

РАССКАЗ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Савкин. И.А.

Подольск, МОУ «Лицей №26», 9Л6 класс

Руководитель: Колпакова О.В., г. Подольск, МОУ «Лицей №26», учитель русского языка и литературы

Дом, в котором была моя квартира, был полупуст. Во дворе редко кто появлялся, только старики, которые приходили во двор, чтобы посидеть на лавочках и поговорить о чем-нибудь, либо просто помолчать, слушая листву, которую нежно щекотал летний ветер.

Я обожал свою квартиру. В ней было три комнаты, и с балкона открывался вид на тихое, переливающееся солнечными лучами, бездонно синее море, на берегу которого я так любил проводить время, слушая шум прибоя и балаканье чаек. Комната, в которой я обычно жил, была маленькая. Все, что в ней помещалось, - лишь шкафчик, комод и мой излюбленный диван, на котором я постоянно лежал, слушал шум с улицы и мечтал о разных вещах. Так же были две гостевые комнаты, в которых стояли по кровати в каждой. Из кухни можно было выйти на балкон. Это было моё любимое место для работы. Я обожал приходить сюда, сесть в свое плетенное кресло, и, попыхивая сигарой, пить дорогой виски и писать обо всём, что приходило в голову.

Каждый день я лежал на морском побережье до вечера и, смотря на закат, входящий в волны, думал о чём-то. Мысли могли быть разными: от всяких драматических сценок, которые я проигрывал у себя в голове, до всяких философских мыслей. Возле берега, на котором я сидел, располагался пирс, и каждый вечер двое влюбленных встречались здесь в одно и то же время. Каждый раз они встречались так, будто не виделись сто лет. Юноша бежал к ней на встречу, а девушка бросалась в его объятия, и они кружились в бесконечном круге счастья. И так каждый день...

Помню, в один такой типичный день я прогуливался по своему двору в надежде найти кого-то, с кем можно было поговорить. Мне было одиноко, но это одиночество мне иногда нравилось. Двор был пуст, как и всегда.

Я вспомнил, что уж давно никуда не ездил. Последний раз я ездил на Кубань к своим родственникам, но это было уже 10 лет назад. С тех пор я и не выезжаю из своего любимого Севастополя. Вернувшись домой и полежав где-то полчаса, я решил, что поеду в Гурзуф, остановившись в Бахчисарае, чтобы прочувствовать атмосферу этого города и подышать воздухом Бахчисарайских гор. Я быстро собрал чемодан и пошел на станцию, где можно было взять лошадей. Заплативши, я сразу же поехал. Моя маленькая каретка изредка покачивалась, ударяясь о кочки, которые периодически появлялись на дороге. Дорога предстояла не очень долгая, но я всё же взял свой любимый бурбон, для того чтобы не было скучно в пути.

Я проезжал мимо величественных горных спусков и моего любимого моря, которое переливалось изумрудным цветом, нежась под теплыми лучами солнца. По пути мы остановились на одной станции, дабы дать лошадям отдохнуть. Мы выпили пару рюмок самогонки смотрителя станции. Его вроде звали Афанасий, насколько я помню, но он говорил, чтобы я называл его Фанася. Я покинул его дом-станцию через пару часов, пообещав заехать на обратном пути.

Всё время, пока ехал, я глазел на бескрайние просторы моря и на горы, которые выглядели как Атланты, что держали наше небо. Настолько они были огромными. Горы также были покрыты деревьями, которые мило шуршали и нагиались, поддаваясь ветру. Монотонный стук лошадиных копыт меня все время убаюкивал, и я не заметил, как проснулся на въезде в Бахчисарай.

Через еще полчаса мы были в центре города – на базаре. Гул и ропот – вот самая краткая характеристика этого места. Зазывалы не переставали кричать. Я остановился, ибо хотел купить себе персиков и винограда: Афанасий сказал, что они тут чертовски хороши, вне зависимости от продавца. Я купил ящик персиков и корзину винограда и погрузил их в свою каретку. Афанасий был прав: персики действительно были изумительны. Я до сих пор помню их сладкий вкус, и ту нежную мякоть, и шершавую кожуру, которой они были покрыты.

Мы подъехали к горам. Вдалеке, высоко, касаясь и пронзая своим острым наконечником небо, стояла Ай-Петри. Здесь люди катались на лошадях, устраивали пикники и просто отдыхали. Райское местечко, особенно для человека, как я, который безумно любит эту живую природу.

Я вышел из кареты и направился в сторону Ай-Петри. Я отошел довольно далеко от главной массы людей. Никого не было, лишь горы впереди, свежая трава под ногами и кусты с разными ягодами вокруг. Вдалеке я услышал стук копыт. Издалека выезжала гнедая кобылка, а наверху сидела стройная дама, одетая в редингот, а голову её покрывала белая шляпка. Я встал на месте и смотрел на нее с интересом. Она подъехала ко мне, слезла с лошади, сняла шляпку, и распустила длинные густые волосы. Вы даже не можете представить, как я люблю женщин с густыми волосами. Они прекрасны. Она была счастливым обладателем таких волос. На её лице не было ни малейшего изъяна. Зеленоглазая брюнетка, она смотрела на меня без капли удивления. Я же смотрел на неё опьянёнными глазами.

- А Вы недурно катаетесь, – сказал я.

- Вы ведь даже не видели, как я каталась – метко бросила она. Её лицо при этом осталось непоколебимым.

- Фёдор Михайлов, – представился я, протянув ей руку, после недолгого молчания, – быть может, слышали обо мне?

- Да, слышала, это Вы кавалер номер один на всех балах в Севастополе. Меня зовут Анна. Анна Эрлих.

- Так Вы немка?

- Не совсем, – сказала она, покачавши головой. – Моя мать немка, а отец белорус.

- Будем знакомы.

Мы гуляли по полю, разговаривая о многих разных вещах. Мне даже один раз удалось спровоцировать её улыбку своей любимой шуткой. По пути она пару раз сняла несколько ягодок с кустов, и предложила мне несколько. Я не мог отказаться.

- Расскажите мне о себе.

- А что рассказывать? Я выросла в обычной дворянской семье. Когда мне исполнилось 16, я убежала из дому с молодым человеком, роман с которым продолжался до вчерашнего дня... Все было безумно романтично. Мы жили в разных концах города и постоянно встречались на одном из множества пирсов в одной из бухт. Встречались мы там, когда никого уже не было, дабы усилить драматический эффект, – с некой увлеченностью самой собой говорила она.

- Вы думаете, что там действительно никого не было? – с ехидной улыбкой спросил я.

- Ну да, а кто там мог быть еще? – с слегка изумленным лицом ответила она. На это я лишь ухмыльнулся, и мы пошли дальше.

Мы прогуляли так до самого вечера, но пришло время прощаться.

- Так Вы говорите, что живёте в Севастополе? – на всякий случай спросил я.

- Да, но ближайшие дни меня там не будет, я останусь на пару дней здесь, у гор, а затем, скорее всего, поеду в Гурзуф.

Я всеми силами пытался сдержать свое счастье, дабы не показаться некультурным.

- Возможно там и свидимся, ибо я еду туда же.

- Какое славное совпадение! И где Вы собираетесь остановиться? —с заинтересованностью спросила она.

- Я буду в гостинице номер N, – сказал я, с надеждой на то, что она скажет, что остановилась в этой же гостинице.

- Жаль, так как я буду в другой, ближе к морю. Но никто же не запрещал нам видеться, не так ли? – сказала она с ухмылкой. Она вынула из своей сумочки бумажку и ручку и, написав на ней свой адрес, вручила её мне. Я без раздумий взял её.

- Конечно. С нетерпением жду Вашего приезда – сказал я и, поцеловав её руку, отправился к своей карете.

«Она прекрасна, возможно, даже, милейшая из всех тех, которых я когда-либо встречал», - думал я. Она вправду была красива. Пышные волосы, узкая талия, рост где-то метр семьдесят, и одежда, которая прекрасно ей подходила. Мне кажется, нет никакой в мире одежды, которая бы ей не подошла. Но больше всего мне в ней нравилась её стиль и манера общения. Она была безумно хладнокровна и умна. А это мне всегда нравилось в женщинах больше всего. Вся дорога в Гурзуф была сопровождается её образами в моей голове.

Следующее утро я провел за работой. Хотя поработал я от силы минут двадцать. Я всё время думал о ней, даже нарисовал её портрет на маленьком листочке и положил его в самое укромное место в номере. Я как будто снова стал ребёнком: какие-то тайны, постоянно неловкое положение и радость, которая сопровождает тебя все время. Я был безумно влюблён. Я как всегда шёл на пляж ближе к вечеру и смотрел на Аю-Даг, в которого медленно врезалось пламенное солнце. Такого заката я даже у себя в Севастополе не видел. Он был безумно прекрасен.

На следующий день я проснулся в прекрасном расположении духа. Зная, что сегодня приедет она, время тянулось все дольше и дольше. Я хотел собраться с мыслями и пошёл на прогулку.

Я прошёл всю набережную по несколько раз, даже купил себе картину Гурзуфского заката, на память. Уже был полдень, когда я вернулся с улицы. Я положил картину и хотел приняться за работу. Я сел на диван и подумал, что надо бы пойти к ней. Адрес у меня был, да и окрестности я примерно знал.

Через полчаса я уже был у главного входа в гостиницу, в которой она остановилась. Я подошел к информационной стойке и спросил, где проживала мадам Эрлих. Мне сказали номер, и я быстрым ходом направился к её комнате. Мне не терпелось вновь увидеть её. Я постучал, и через пару секунд дверь распахнулась. Передо мной стояла она, в парадном платье, будто куда-то собиралась.

- А я Вас ждала, – сказала она на радостном вздохе, но сразу же вернула своему лицу тот меланхоличный вид, который был и раньше.

- А я ждал встречи... Что ж, я вижу, Вы куда-то собирались. Позвольте мне составить Вам компанию, – говорил я, акцентируя всё внимание на вежливости. Её лицо слегка оробело.

- Оставим эти формальности, давайте будем на ты – сказала она.

- Хорошо... Куда пойдём? Как насчёт парка или какого-нибудь ресторана?

- Было бы здорово.

Мы вышли из отеля. Почему-то я до сих пор помню то место... ах да, зеркало, которое стояло в той гостинице. Оно стояло на выходе. Мой взгляд остановился на нём. Стоя рядом, я и Анна казались прекрасной парой.

Прогулка была обычной. Мы болтали о том о сём. Единственное, что я заметил, так это то, что она потеряла свой загадочный вид, который встречал меня еще в Бахчисарае. Она перестала быть какой-то замкнутой и вечно грустной, будто она полностью открылась мне.

Наступил вечер и надо было идти домой. До её гостиницы мы дошли уже когда стало совсем темно.

- Увидимся завтра, – сказала она. Я улыбнулся и кивнул головой. Она смотрела на меня вдохновенно, затем наклонилась ко мне и нежно поцеловала в щеку. После она улыбнулась и побежала в гостиницу. Я был безумно счастлив. Слово электрический заряд прошёл по телу и зарядил меня так, что казалось, будто я больше никогда не устану. Всю ночь я провёл в раздумиях и мечтах о ней. Уснул только под утро.

Вся следующая неделя была неизменной. Мы всё время гуляли по нашему любимому парку, сидели в ресторане и наслаждались тем временем, которое проводили вместе. Мечты становились всё реальнее, поцелуи всё более страстными, а надежды все более огромными.

Один раз я еще раз спросил её про того молодого человека, с которым она встречалась каждый день в назначенное время на пирсе.

- Так ты точно думаешь, что вас никто не видел?

- Конечно, а кто еще, кроме меня и его, то есть двух безумцев, будет встречаться вечером на диком каменном пляже в то время дня, когда уже и волны достигают тех размеров, которые могут унести человека хомутом той белой волны, что ведет тебя в бездонную синюю пропасть... - отвечала она, максимально драматизирую, ибо выпила чуть больше вина, чем всегда.

Я понял, что видел не её, и того человека, а кого-то других. «Ну и совпадение», - подумал я.

Утро того дня, когда она уже уезжала, было пасмурным. Будто небеса говорили о той скуке и тоске, которые будут сопровождать меня здесь всё то время, что я буду здесь.

Я хотел попрощаться и попросить у нее адрес, по которому она проживала. Когда я вошёл в гостиницу, мне сказали, что мисс Эрлих оставила мне перед своим отъездом записку. На ней было написано «L'amour de ma vie». Я лихорадочно быстро развернул эту записку, будто предчувствуя что-то неладное...

«Mon cher, мне кажется, ты знал, что ничто не может быть вечно, и наш великолепный роман тоже закончится. Я решила, что лучше закончить всё сейчас, когда мы оба безумно счастливы, чтобы та горечь утраты не была столь ужасна. Pardonne-moi, что не сказала тебе еще одной важной детали, ибо была сильно опьянена тобой. У меня есть муж и ребёнок. Конечно, теперь я точно знаю, что не буду ни с кем так счастлива, как с тобой, но ничего уже не поделаешь. Мы переезжаем из Севастополя в другой город, далеко отсюда. Я знаю, что если бы я не уехала, то ты бы искал меня... и нашёл бы. Прости меня еще раз. Прощай

Je t'aime,

Anna.

Прошёл день. Я ехал в своей карете из Гурзуфа домой, постоянно перечитывая эту записку. Я просто не хотел верить своим глазам. Будто все, что было внутри, отмерло, и я не чувствовал ничего, кроме тяжести, которая сковывала мне дыхание и пульсировала в груди. Даже мои любимые пейзажи не могли вернуть меня к жизни.

Как и обещал, я приехал к Афанасию. Мы славно выпили. Хоть что-то смогло смягчить то разочарование, что царило тогда в моей душе.

- Я тут для тебя одну вещь припас, – сказал Афанасий. – Чёрт, где же она... а, вот, нашёл. Моя грушевая настойка, сам сделал, за градус и вкус сам ручаюсь.

- Спасибо, Фанася, ты настоящий друг, – сказал я беря в руки литровую бутылку.

Всю дорогу до Севастополя я проспал. Как сейчас помню, мне снилась она, сидящая за столом и с серьезным лицом что-то пишущая.

Я не помню, как дошел до дома, но помню, что до дивана я не дошел, а уснул на полу.

Опять началась моя рутина. Я всё время работал, заставляя себя обо всё забыть, зная, что это невозможно.

Вечером я пошёл на пляж. Я как всегда сидел и наблюдал за закатом. На пирсе всё одиноко стояла девушка, а к ней бежал её молодой человек. Они, как всегда, слились в объятиях, и казалось, будто они никогда друг друга не отпустят.